

ГЕРМЕНЕВТИКА Я-НЕИЗВЕСТНОГО В «ИСПОВЕДИ» АВГУСТИНА

Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Hermeneutics of the Unknown Self in Confessions by Augustinus

E.B. Starovoytenko^a

^a *HSE University, 20 Myasnickaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

Статья посвящена мало исследованной в психологии личности проблеме Я-неизвестного. Автор обращается к «Исповеди» Аврелия Августина как источнику психологического знания о Я-неизвестном, обосновывает новые возможности данного текста для изучения личности. В исследовании Я-неизвестного применяется персонологическая методология, предполагающая единство референций к тексту культуры и его герменевтическому анализу, к теоретическому психологическому знанию о личности и к индивидуальному опыту самопознания, имеющему всечеловеческую ценность. Разработана и использована концептуальная модель герменевтики Я-неизвестного в тексте «Исповеди». С помощью данной модели осуществлены экспликация, анализ и синтез самовысказываний Августина, касающихся незнаемого Я. Представлена авторская рефлексивно-герменевтическая модель Я-неизвестного Аврелия Августина. Для обоснования научной новизны исследования рассмотрены основные направления изучения «Исповеди» в современных научных контекстах: философском, культурологическом, психологическом. В результа-

Abstract

The paper is focused on the problem of the Unknown Self (which is understudied in personality psychology). The author turns to the “Confessions” by Aurelius Augustinus as a source of psychological knowledge about the Unknown Self and explains new opportunities of this text for the study of personality. A personological methodology used in the research of the Unknown Self assumes the unity of references to the text of culture and its hermeneutic analysis, to theoretical psychological knowledge about the personality and to the individual experience of knowing the Self that has a universal value. A conceptual model of the hermeneutics of the Unknown Self in the text of “Confessions” has been developed and applied. This model was used to provide the explication, analysis and synthesis of Augustinus’s self-statements related to the Unknown Self. The developed reflexive-hermeneutic model of the Unknown Self of Aurelius Augustinus is presented in the paper. The main areas of study (philosophical, cultural and psychological) of the “Confessions” in modern scientific contexts were considered in order to substantiate scientific novelty of the study. The study result-

те исследования получены новые герменевтические данные, указывающие на значительный вес темы Я-неизвестного в тексте «Исповеди»; на осмысление Августином незнания себя в различных областях внешней и внутренней жизни, в отношениях к себе, к другим и к высокозначимому Другому; на психологически утонченную феноменологию проживания Августином неизвестности себя; на многообразие ипостасей и структурных образующих Я, представляющих для Августина предметы, «фокусы» незнания; на индивидуальную и культурную ценность самопознания, осуществляемого в непрерывном рефлексивном диалоге с Богом как Другим; на глубину и интимность обращения Августина к Богу в качестве Ты как условие открытия неизвестности себя; на отношение Августина к Ты, полагаемому в качестве источника преодоления незнания себя и обновления самотождества Я; на достижение откровений о себе в вопрошании, мольбе и покаянии перед Ты; на такое богатство и предел самотождества и такое «самозавершение» в самопознании, при которых Я может «наполниться» и «слиться» с высшим Другим.

Ключевые слова: «Исповедь» Аврелия Августина, Я, Я-неизвестное, отношение, Другой, рефлексия, диалог, герменевтика, культура.

Старовойтенко Елена Борисовна — руководитель, Центр фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, профессор. Сфера научных интересов: методология психологии, теоретическая психология личности, персонология, психология жизненных отношений личности, культурная психология личности, психология рефлексии.
Контакты: heletstaOS@yandex.ru

ed in new hermeneutic data that indicate the significance of the theme of the Unknown Self in the text of “Confessions”; Augustinus’s comprehension of not knowing the Self in various areas of external and internal life and in relation to oneself, to others and to a highly significant Other; the psychologically subtle phenomenology of Augustinus’s experiencing the Unknown Self; various hypostases and structural constituents of the Self that for Augustinus represent objects and “tricks” of not-knowing; the individual and cultural value of knowing the Self that is fulfilled in a continuous reflective dialogue with God as the Other; Augustinus’s profound and intimate appeal to God as Thou as a condition for discovering the unawareness of the Self; Augustinus’s attitude to the Thou that is assumed to be a source of overcoming this unawareness of the Self and renewal of the self-relation of the Self; the attainment of revelations about the Self in questioning, prayer and repentance before the Thou; and such richness and extent of self-relation, and such “self-completion” in knowing the Self, in which the Self can “fill up” and “merge” with the higher Other.

Keywords: “Confessions” of Aurelius Augustinus, Self, Unknown Self, relation, the Other, reflection, dialogue, hermeneutics, culture.

Elena B. Starovoytenko — Head of the Centre, Centre for Fundamental and Consulting Personology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, DSc in Psychology, Professor.
Research Area: methodology of psychology, theoretical psychology of personality, personology, psychology of life relationships of personality, cultural personality psychology, psychology of reflection.
E-mail: helestaOS@yandex.ru

«Исповедь» Аврелия Августина, являясь бесценным источником для исследований в философии, филологии, истории культуры, пока не раскрыла своих возможностей для развития психологического знания. При этом она заключает множество актуальных идей для постановки и решения новых проблем в психологии сознания, психологии рефлексии, психологии творчества, психологии жизненного пути и психологии личности.

Психологические исследования **личности** могут реализовать потенциал «Исповеди» в аспектах изучения индивидуального Я и самопознания, жизненных противоречий и смыслополагания, рефлексии и личностного диалога. Важным шагом на этом пути является **интеграция** в исследования методов и открытий, сделанных в фундаментальном, междисциплинарном познании личности, в ходе научной реконструкции культурогенеза понятия «личного» и извлечения имплицитного знания о личности, а также в практическом опыте обращения личности с собой. Указанная интеграция характерна для направления исследований, обозначаемого нами как **«общая персонология»** (Петровский, Старовойтенко, 2012; Старовойтенко, 2015).

В обширном поле персонологических проблем, ждущих своего решения на основе таких «великих текстов», как «Исповедь» Августина, мы выделяем **проблему Я-неизвестного**, не получившую ни в отечественной, ни в зарубежной психологической науке внимания, релевантного ее значению и сложности.

Новизна данной работы состоит, во-первых, в постановке мало исследованной в психологии личности проблемы «Я-неизвестного». Во-вторых, в обращении к «Исповеди» Аврелия Августина как источнику психологического знания о Я-неизвестном. В-третьих, в применении к изучению Я-неизвестного персонологической методологии (Исаева, 2013, 2015; Петровский, 2014; Старовойтенко, 2018; Старовойтенко, Щebetенко, 2020), предполагающей единство референций к тексту культуры, к теоретическому психологическому знанию и к индивидуальному опыту самопознания, имеющему всечеловеческую ценность. В-четвертых, в экспликации Я-высказываний и Я-смыслов Августина, касающихся Я-неизвестного. В-пятых, в разработке и использовании при анализе и синтезе высказываний автора о себе концептуальной модели герменевтики Я-неизвестного. Шестое, в разработке рефлексивно-герменевтической модели Я-неизвестного Аврелия Августина.

«Исповедь» Августина в современном научном контексте

Для определения научного контекста герменевтики Я-неизвестного в произведении Августина остановимся на основных положениях отечественных философских и культурологических исследований «Исповеди», имеющих **персоналистическое** направление (Баткин, 2000; Библер, 1990; Литвинский, 2016; Неретина, 1995; Покровский, Иванченко, 2008; Розин, 2018; Старовойтенко, 1998). Слыша переключку голосов авторов этих исследований, представим результаты синтеза идей, высказанных ими о данном произведении.

Прежде всего, исследователи отмечают высокую ценность рассмотрения «Исповеди» в **современной науке** посредством реализации нашей «культурной вменяемости» (Баткин, 2000), позволяющей увидеть в исповедальном тексте то, что приоткрывается в многовековом процессе его изучения. Подчеркивается, что творение Августина поныне включает смысловые возможности, которые богаче того, что вошло в «плоть и кровь» культурно-исторической традиции (Литвинский, 2016).

Исповедальный текст, или «самоотчет-исповедь», Августина **диалогичен**, несмотря на преобладающую обращенность автора к самому себе, погруженному в поиск Бога как высшего **Ты**. Исповедь Августина — непрерывное пересечение диалогов с Богом, с учителями, близкими людьми, с современными Августину читателями и «незримыми собеседниками» из будущего (Там же). Одновременно автор постоянно возвращается к себе, к своему одинокому, но тем самым живому, Я. Только «наедине с собой», в откровенных самопризнаниях, страстном раскаянии и правдивой мысли Августин находит слова обращения к Ты (Покровский, Иванченко, 2008) и вновь устремляется к диалогам (Баткин, 2000). «Вне доверия к абсолютной дружости Бога невозможно самосознание и **самовысказывание**... Самый факт осознания себя в бытии говорит уже о том, что я не один в самоотчете, что я ценностно отражаюсь в ком-то, что кто-то заинтересован во мне...» (Бахтин, 1979, с. 134).

Несмотря на средневековый, скорее онтологический, чем индивидуально-психологический, формат данного исповедального текста, тема «личного» звучит в нем достаточно отчетливо. **Личность** или «персона» живет в тексте, проживает создание текста как значимый фрагмент жизни, является Я-субъектом, стремящимся к самопониманию, находящимся во внутренних, глубоких **личностных отношениях** Я — Я и Я — Ты. Бог Августина является, как и человек, Персоной, это «Живой бог» (Неретина, 1995). «Личное» автора становится реальностью и осмысливается благодаря надличному, надындивидуальному модусу существования в диалоге с Богом (Баткин, 2000).

Индивидуальный самоотчет Августина в диалоге с Ты — высшим, всеобщим, вневременным — ведется посредством «рефлексии по вертикали» (Там же). Неповторимое **рефлексивное самовыражение** в слове стремится к полноте, охватывающей отношения автора к творениям, совершенным «Ты» в мире, к поиску своего «места-в-Ты», к себе как могущему «вместить Ты» и уходящему от себя, «растворяясь-в-Ты». Рефлексия Августина ведется в форме чередования вопросов и ответов Я и Ты, непрерывно проблематизирует Я, решает задачи встречи, пребывания, расставания Я с собой и отказа от самостоятельности Я (Неретина, 1995). **Вопрошание** — способ построения Августином истории своей жизни, посвященной обретению Веры (Розин, 2018). Диалог с Богом «собирает» индивида, который в исповеди как «поступке бытия» открывает свои противоречия, не совпадает собой, достигает примирения с собой в перспективе единства с Ты и «утверждения в вечности». Страстное обращение к надличному не ограничило личную рефлексивную напряженность; они усилили друг друга, они совпали (Баткин, 2000).

Вопрошание Я о себе, разотождествление и отождествление с собой в движении по линии своей жизни и в движении к Ты «по вертикали» сопровождаются у Августина рефлексивным обнаружением того, что **«я в себе нечто не знаю»** (Неретина, 1995). Акцент в предшествующем изучении «Исповеди» на знание о незнании человеком себя имеет особое значение для нашего исследования **Я-неизвестного** у Аврелия Августина

Есть в нашем Я, полагает Августин, памятное и «беспамятное», известное и неизвестное. В исповедальном самоотчете автор должен рефлексивно обнаружить и повиниться не только в знании о себе, но и в незнании себя, не знающего при этом и Бога. Я выступает тайной, загадкой, бездной для самого себя, глубинной основой своих преображений, преодоления неравенства себе и несовпадения с собой, своей неокончателности и жизненных «перерешений» себя. Но даже в самой напряженной работе над самим собой как «землей», возделываемой тяжкими усилиями, Я не может постичь скрытую истину «себя» без обретения божественной Благодати (Баткин, 2000).

В дальнейшем определении современного научного контекста герменевтики «Исповеди» Августина обратимся к релевантным работам зарубежных исследователей. Какие тематические акценты характерны для этих работ?

В методологическом аспекте акцентируется роль **метода герменевтики** при изучении текста Августина. Учитывая «историческую насыщенность», смысловое разнообразие истоков написания и многовековых интерпретаций «Исповеди», а также множественность герменевтических моделей анализа данного текста, ставится вопрос о создании особой **научной дисциплины** — «герменевтики “Исповеди” Аврелия Августина» (Parsons, 2013; Pollmann, 2011). Отмечается, что богатство контекстов — культурных, интеллектуальных, духовных (Toom, 2018), а также интимность религиозных признаний и покаяния автора (Lyotard, 2000) превращают «Исповедь» в модель создания и интерпретации более поздних текстов самопознания и откровений личности о себе, — таких как «Страдания юного Вертера» И.В. Гете или «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского (Sykes, 2018).

Подчеркивается необычайная привлекательность «Исповеди» для исследователей. Это текст, **«соблазняющий интерпретатора»** в аспектах его красоты как художественного произведения; феноменологичности описания душевных движений, телесных влечений, впечатлений и чувств; завораживающего переплетения четырех тем: тайна и исповедь, аскетизм и эротизм, принуждение и свобода, время и вечность; уникальной передачи «чувствования Бога в себе» и восхищения творениями Бога (Burrus et al., 2010).

Существенным герменевтическим ориентиром в исследованиях «Исповеди» выступает определение ее **жанровой принадлежности**. В таксономии жанров авторских самоописаний произведение Августина определяется как «философская автобиография», раскрывающая бытийное становление Я автора и его обретенную в поиске Бога идентичность и самоотождественность (Wright, 2006). «Исповедь» также рассматривается в качестве «духовной автобиографии», направленной на самопознание, на открытие смысла в жизненных событиях, воспоминаниях, мыслях и переживаниях, на внутренние

самоизменения в перспективе восхождения к высшему. Уникальная практика развития индивидуального отношения к себе посредством творения исповедального текста предстает в современной психологии как «акт психотерапии» (Vaughn, Swanson, 2012). «Исповедь» Августина обозначается и как «критическая автобиография», выдающаяся в своем опережении времени, вносящая вклад в актуальное обсуждение онтологической и психологической природы Я, предоставляющая убедительную картину того, чем сейчас может быть «автобиографическая личность» (Di Summa-Кноор, 2017).

«Исповедь» считается одним из наиболее ранних текстовых выражений силы и возможностей **автобиографической памяти**, конституирующей субъективное время личности, или внутреннее «путешествие во времени» (Manning, 2013). Большой объем автобиографической памяти Августина, охватывающий огромное число внешних и внутренних событий его жизни, обусловлен активностью многих форм запоминания и вспоминания: чувственной памяти, интеллектуальной памяти, памяти желаний и страстей, памяти о забывании (Там же). Воспоминания, эмоции и мысль автора воссоздают насыщенную длительность его субъективного времени: от впечатлений самого раннего детства, к которым автор обладал «поразительной чувствительностью» (Bradley, 2013), до проживания периода написания своего произведения и предчувствия полноты бытия «в Боге».

Особое значение в научном контексте нашего исследования имеют **герменевтические модели Я**, реконструированные по материалам «Исповеди». В частности, это модель самоидентичности, обретенной Августином в единстве исторического, теологического, онтологического и психологического измерений самопознания (Gioia, 2014); модель «разделения Я» как результата противоречия Я-плотского и Я-духовного, преодолеваемого путем самообвинений и личного религиозного поиска, ведущего к объединению Я (Carps, 2007); модель трансцендентного «восстановления разделенного Я», указывающая путь личности к единому Я, включающий пять основных моментов: признание собственной фрагментации, возвращение к внутренней сущности, «воспоминание себя» в диалоге с Богом, движение за пределы собственного Я и непрерывные творческие реакции (Nino, 1990); модель «самопревосхождения» Августина, происходящего благодаря осуществлению намерения души «простираться до Бога» (Nightingale, 2015); модели **«незнания Я о себе»**, акцентирующие вспоминание Августина о том, что он «нечто забыл о себе», знание о том, что «нечто в себе не знаю» (своего рода «ученое невежество»), осознание своего непонимания себя, понимание того, что есть «непознаваемое в себе», а также признание Августином, что Бог как «не-Другой» в его «обращенной» душе является во многом непостижимым (Rosengart, 2016; Dubbelman, 2020).

В поиске новых смыслов, идей и рефлексивных возможностей «Исповеди», ценных для современного познания личности, мы акцентируем феномен **Я-неизвестного** и предлагаем **модель** его герменевтики в тексте и жизни Аврелия Августина. Примененная нами **герменевтическая процедура** включала следующие приемы: постановка новой проблемы личности и Я,

имеющей перспективу разработки методом герменевтики; реализация герменевтического подхода как методологии научного исследования; выбор произведения, обладающего нереализованными возможностями для решения поставленной проблемы; построение исследователем системы категорий и идей (концепции), образующей герменевтический «код» прочтения и инструмент изучения текста в аспекте поставленной проблемы; поиск фрагментов текстов, где автор произведения достигает «ясности прозрений», логической чистоты выражения мысли и намечает идеи для решения проблемы; экспликация и синтез идей автора произведения об изучаемом аспекте личности или ее Я в соответствии с концептуально-герменевтической моделью, построенной исследователем (Старовойтенко, 2013).

Концептуальная модель герменевтики Я-неизвестного в «Исповеди» Августина

Приведем концептуальную модель герменевтического изучения Я-неизвестного, учитывающую разработки зарубежных и отечественных исследователей «Исповеди», а также положения наших предшествующих работ (Старовойтенко, 2018; Старовойтенко, Щебетенко, 2020). Модель обосновывает возможность изучения Я-неизвестного в системе определенных условий его возникновения, проявления и личностного поиска, с учетом его принадлежности к различным ипостасям и структурным образующим Я, а также с детализацией феноменов проживания Я-неизвестного. В качестве основных условий порождения и обнаружения Я-неизвестного выступают отношения личности к жизненным значимостям, включая отношение к Богу, к себе, к другим, а также диалоги Я — Я, Я — Ты, Я — другие люди.

Обнаружение Я-неизвестного как момент разотождествления Я с собой может вызвать активное отношение личности к «незнанию себя», его рефлексивное преодоление, включение нового знания о себе в структуру Я, обновление самотождества и дальнейшее движение в самопознании.

Остановимся подробнее на положениях концептуальной модели герменевтики Я-неизвестного в «Исповеди» Августина.

1. Исследование Я-неизвестного может основываться на определении личности в качестве Я как источника и субъекта отношений к **значимостям**, которые выступают объектами притяжения и активной вовлеченности человека в собственную жизнь. **Отношения** обладают предметными и ценностными ориентирами, развиваются как отношения к миру, природе, к другим людям, к конкретному Другому, к себе, к Абсолюту, имеющие эстетический, этический, познавательный, деятельный, творческий, рефлексивный, религиозный векторы развития. Относительное постоянство отношений и их индивидуальных сочетаний осознанно присваивается личностью «себе», субъективно определяет ее внутреннюю устойчивость «для себя», выступает одним из оснований **самотождества Я** (Starovoytenko, 2020). Вместе с тем, реализующиеся отношения непрерывно посылают вызовы самотождеству и выявляют неизвестность для Я его новых сторон, появившихся в движении жизни.

Я-неизвестное — незнание себя, рефлексивно открытое личностью и принятое ею как возможный фокус самопознания. Обращение Я к своим отношениям, «ныряние» в жизнь и в себя подвергает самотождественное Я испытанию, вызывает его разотождествление, расставание с собой, обнаружение незнаемого в себе. Я-неизвестное или «ненайденное Я» — это Я, еще не вошедшее ни в один из осознаваемых «поточков жизни», ни в одно из жизненных отношений, не ставшее смысловым фокусом самоотношения, не влившееся в мир индивидуальных значимостей, не укрепившее личностную самотождественность. При этом, встав в **отношение к себе**, удваивая свое бытие в качестве субъекта и объекта самопознания, личность способна осознать существование Я-неизвестного, проблематизировать свое самотождество, признать ценность существования и преодоления незнания себя, раскрыть новые аспекты Я, постичь и осмыслить их преобразующую роль в своей жизни.

2. В контексте отношения к себе личность может **встать в отношение к Я-неизвестному**, включиться в его творческий поиск, обнаружить в Я обширные зоны своего незнания, почувствовать, что знаемое о себе, несмотря на активное самопознание, очень мало в сравнении с незнаемым. Такое отношение к Я-неизвестному, вспоминая великого античного философа, можно обозначить как «сократовское». На другом полюсе видим «антисократовское» отношение к Я-неизвестному, состоящее в убежденном отрицании своего незнания самого себя. Возможно также отношение, заключающееся в признании наличия Я-неизвестного, но одновременно и в его отчуждении, оценке как «не моего», «чужого», «другого, чем Я». Можно также в отношении к Я-неизвестному, активизируя самопознание, направленно умножать загадки Я, обращаясь к его бессознательным аспектам, тайнам творчества, любви, призвания. Наконец, в отношении к Я-неизвестному можно полагаться и опираться в его раскрытии на других людей, на конкретного другого человека и на высшего Другого как владеющего всеобщим, абсолютным знанием.

3. Реализация множества отношений к значимостям, самопознание субъекта отношений, обнаружение в Я-субъекте своих новых возможностей и областей незнания себя, готовность к усилиям самораскрытия, а также понимание наличия Я-неизвестного в качестве потенциала саморазвития являются условиями полноты вовлеченности личности в жизнь, ее уникального присутствия в бытии. Затрагивающее и проблематизирующее личность существование Я-неизвестного **проживается** ею посредством активности взаимосвязанных психических и практических функций. Проживание поиска и встречи с Я-неизвестным конституируется влечением к тайнам себя, воспоминанием себя, самопереживаниями, самоощущениями, самовосприятием, предчувствиями себя, представлениями о себе, рефлексией как осмыслением себя, мотивацией и действиями, направленными на себя. Можно чувствовать Я-неизвестное; можно предвидеть появление Я-неизвестного; можно понимать, что чего-то не знаешь о себе; можно внезапно догадаться о существовании Я-неизвестного; можно вспомнить, что нечто не знаешь и не помнишь о себе; можно интуитивно уловить Я-неизвестное во впечатлении или сновидении; можно вообразить неизвестную себе область души; можно отрефлексировать

Я-неизвестное как важный аспект Я; можно в собственном самовыражении в мире открыть неизвестные стороны Я.

4. Я-неизвестное в качестве потенциала умножения знания о Я может быть аффилировано к различным содержаниям самопознания или **структурным образующим Я**. Это могут быть устремления Я и эффекты его идентификации, элементы образа Я, эмоциональные состояния Я, мысли о Я, оценки Я, свойства и качества Я, телесные движения и действия Я, осознанные Я-противоречия, жизненные ситуации, события, периоды жизни и т.д. В случае незнания себя речь идет о скрытых, забытых, невыявленных, невспоминаемых аспектах Я, представляющих собой потенциалы индивидуального самопознания.

5. Я как субъект отношений и самопознания обладает различными формами, или **ипостасями** (Петровский, 2013; Старовойтенко, Щebetенко, 2020). В каждой из выделенных нами ипостасей Я есть место Я-неизвестному.

Неизвестное «телесное Я». Я может не знать возможностей и ограничений своего тела, тех или иных граней своей привлекательности, оценки другими своего облика, не улавливать возрастную динамику своей телесности.

Неизвестное «глубинное Я», или «Самость». От Я может быть утаен изначальный субъект собственной жизни, ядро еще не реализованных возможностей, «тот, кто в темноте», «кого еще предстоит найти».

Неизвестное «феноменальное Я». Я не знает многое о себе как проживающем жизнь, реагирующем на явления, переживающем состояния и впечатления, соединенном с конкретными жизненными ситуациями и действующем в них.

Неизвестное «означенное Я». В известных Я общих и индивидуальных самообозначениях посредством различных знаков (терминов, имен, символов) появляются зоны неопределенности, неточности, проблемности либо неозначенности.

Неизвестное «диалогическое Я». Я может не знать, почему и как определенные другие люди оказываются представлены в нем при непосредственном взаимодействии с ними, или в его внутреннем мире, или в том, что им создается, а также не знает, своей представленности в их внешней и внутренней жизни.

Неизвестное «Абсолютное Я». От Я может быть скрыт внутренний доступ к вере, истине, красоте, состраданию другим, совести, внутренним истокам творчества — тому вечному, что открывается в непостижимом соединении личности с Абсолютом.

Я-неизвестное в каждой из ипостасей Я включает три **временных типа**: Я-неизвестное-в-прошлом, Я-неизвестное-в-настоящем и Я-неизвестное-в-будущем. Их обнаруженная личностью взаимосвязь внутри единого Я-во-времени-жизни указывает на непрерывность существования Я, преемственность его жизненной самореализации, на постоянство самотождества наряду с возможностями самоизменений.

6. В развертке **отношения к Я-неизвестному** можно выделить ряд моментов, которые обеспечивают самотождественность Я, обогащение и усиление Я

в результате направленного преодоления личностью незнания себя. К ним относятся:

- установление мысленной связи Я-неизвестного с Я-известным, введение осознанного незнания себя в контекст известного о себе как задача самопознания;
- познание Я-неизвестного в поисках ответа на коренные вопросы бытия, в целях решения фундаментальных экзистенциальных проблем веры, истины, любви;
- постижение Я-неизвестного в аспекте «предела себя» при включении в ситуации высокого риска, жизненного прорыва, творения, реализации предназначения;
- раскрытие Я-неизвестного как «лучшего Я», «сильного Я», «самопревосходящего Я», «желаемого другого Я»;
- избегание боли и страдания по поводу того, что не найдено Я, которое может преобразовать трудную ситуацию, или решить внутреннюю проблему, или прийти к новому пониманию себя, или воссоединиться с высшим Другим;
- поиск Я-неизвестного в воспоминаниях, посвященных различным периодам своей жизни, истории своего становления в различных возрастах и жизненным самоизменениям;
- включение в рефлексивный поиск Я-неизвестного как в творчество, создание текста исповеди, жизнеописания, литературной автобиографии, художественного произведения с эго-героем.

7. Я-неизвестное может быть обнаружено в отношении к конкретному другому человеку или к Богу, природе, культуре, роду, обществу. В числе значимостей, к которым Я обращается в поиске Я-неизвестного, особо выделяются Бог и значимый другой человек. В отношениях к ним возможен подлинный **диалог с Другим**, развивающий отношение к себе. Самоотношение личности конституировано здесь переживанием и рефлексией своего соприсутствия с Другим в мире, своего присутствия в Другом, присутствия Другого в себе, своего относительно автономного от Другого бытия в самом себе. Диалог может инициироваться в форме внутреннего вопрошания, адресованного Другому, ответов от имени Другого и высказываний в свой адрес. Вопросы, ответы, самовысказывания могут касаться отрефлексированного существования Я-неизвестного.

8. Диалог с Другим опосредует продвижение личности в самопознании, может быть встроен в рефлексивный диалог с собой, предполагающий обращения Я к сущностному **«Я-в-себе»** и жизненно изменчивому **«Я-для-себя»** (Сартр, 2002). Я-неизвестное (**ЯН**) обнаруживается **Я** посредством **Другого** в следующих **«измерениях»** диалога: Я-в-себе, Я-для-себя, Между-Я-и-Другим, Я-в-Другом, Другой-в-Я, Я-в-мире-с-Другим:

- Я – ЯН-в-(Я-в-себе);
- Я – ЯН-в-(Я-для-себя);
- Я – ЯН-в-(между-Я-и-Другим);
- Я – ЯН-в-(Я-в-Другом);
- Я – ЯН-в-(Другой-в-Я);
- Я – ЯН-в-(Я-в-мире-с-Другим).

Другой в реальном взаимодействии с личностью актуализирует или «провоцирует» появление ее незнаемого Я. Другой является автором и носителем скрытого от личности представления о ней («слепого пятна»). В своем «внутреннем Другом» личность встречается с неизвестностью части собственных возможностей, желаний, смыслов, черт, способов поведения. Другой имманентен содержанию ее в-себе и для-себя, воплощая неизвестные личности аспекты Я (например, в эффектах проективных идентификаций). Во внешнем и внутреннем бытии с Другим личность становится для себя частью «Мы», во многом неизъяснимого, как для Я, так и для Другого.

Рефлексивно-герменевтическая модель Я-неизвестного Аврелия Августина

Приведенная концептуальная модель, ориентированная на экспликацию, анализ и синтез идей о Я-неизвестном, была применена в целях понимания и исследования «Исповеди» А. Августина. **Результаты исследования** указывают на значительный вес темы Я-неизвестного в тексте «Исповеди»; на осмысление Августином незнания себя в различных областях внешней и внутренней жизни; на психологически утонченную феноменологию проживания осознанной неизвестности себя; на многообразие аспектов Я, представляющих для Августина предметы, «фокусы» незнания; на индивидуальную и культурную ценность самопознания, осуществляемого в непрерывном рефлексивном диалоге с Другим — Богом; на глубину и интимность обращения Августина к Богу в качестве Ты как условие открытия неизвестности себя; на отношение Августина к Ты, полагаемому в качестве источника преодоления незнания себя; на переживание откровений о себе в молитве и покаянии перед Ты; на такое богатство и предел самоотжества, на такое самозавершение в самопознании, при которых Я может «наполниться» и «слиться» с Ты.

Представим результаты герменевтического исследования «Исповеди», выделяя феномены незнаемого Я автора с опорой на релевантные фрагменты текста, и обобщим выделенные феномены в **рефлексивную модель Я-неизвестного Аврелия Августина**.

Текст «Исповеди» создан Августином в форме **диалога с собой**, опосредованного обращением к **Богу** как «Ты» и адресованного множеству других людей (каждому «ты») для их постижения души Августина, их вовлечения в его самопознание и предания себя божественной милости и любви к Богу: *«Зачем же я Тебе столько рассказываю и так подробно? Не затем, разумеется, чтобы Ты от меня об этом узнал, но, чтобы возбудить и в себе, и в тех, кто это читает, любовь к Тебе»* (XI, I, 1). *«Вот в чем польза от исповеди моей! Не в повести о том, каким я был, а каков я сейчас, чтобы исповедовал я это не только пред Тобой в тайном ликовании и трепете, в тайной скорби и надежде, но и перед верующими сынами человеческими, чтобы они участвовали в радости моей и делили смертную долю мою; они мои сограждане и спутники в земном странствии, все равно, предшествовали они мне, последуют ли за мною или сопровождают меня в моей жизни»* (X, IV, 6).

Текст «Исповеди» строится как **авторское жизнеописание**, последовательно, от одного периода жизни к другому, раскрывающее знание Августина о самом себе и осознанное им **незнание себя**: *«Есть, однако, в человеке нечто, чего не знает сам дух человеческий, живущий в человеке, Ты же, Господи, создавший его, знаешь все, что в нем»* (X, V, 7). *«Я исповедуюсь и в том, что о себе знаю; исповедуюсь и в том, чего о себе не знаю, ибо то, что я о себе знаю, я знаю, озаренный Твоим светом, а то, чего о себе не знаю, я не буду знать до тех пор, пока “потемки мои” не станут “как полдень” пред лицом Твоим»* (Там же).

«Исповедь» представляет собой **рефлексивный текст**, проникнутый множеством чувств, включая благоговение, раскаяние, сочувствие к себе, восторг, смирение, сострадание к другим, любовь. Это также волнующая картина жизни, полная живых образов, ярких впечатлений, уникальных воспоминаний и творческих размышлений. Рефлексия в своей чувственности и прозорливости собирает Я, рассеянное по множеству состояний, мыслей о себе, поступков, жизненных ситуаций и событий, в единое целое: *рефлексия — «внутреннее созерцание, представляющее нам созерцаемое в подлинном виде, — это значит не что иное, как подумать и как бы собрать то, что содержала память разбросанно и в беспорядке, и внимательно расставить спрятанное в ней, но заброшенное и раскиданное, расставить так, чтобы оно находилось в самой памяти как бы под рукой и легко появлялось при обычном усилии ума»* (X, XI, 18).

Я-неизвестное обнаруживается Августином в контексте существующего **знания о себе** как осознанные пробелы в этом знании (*«Не загадка ли я сам для себя?»*), как предчувствие возможного расширения знания о Я. Знание и незнание себя выступают в формах того, что помнишь или не помнишь, понимаешь или не понимаешь, можешь или не можешь объяснить либо изъяснить, что можешь или не можешь выразить в самовысказывании, что знают и передают о тебе другие люди или чего они не могут ни знать, ни передать. Лишь в ведении Бога есть и то, что ты знаешь, и то, чего ты не знаешь о себе. Неизвестность Я для себя проступает в «Исповеди» посредством имплицитированных в тексте оппозиций: наведение внутреннего взора на себя — отведение внутреннего взора от себя; знание своего знания себя — знание своего незнания себя; незнание своего знания себя — незнание своего незнания себя; знание о новом знании себя — знание о новом незнании себя; память о том, что нечто помнится о себе — память о том, что нечто не помнится о себе; утаивание своего знания себя — утаивание своего незнания себя; знание о Другом, дающем Я знание и незнание себя — незнание о Другом, дающем Я знание и незнание себя.

В «Исповеди» Я-неизвестное (ЯН) Августина выступает во многих **ипостасях**, прежде всего как незнаемое Абсолютное Я, диалогичное Я, телесное Я, феноменальное Я. Обращаясь к истории своей жизни, автор вступает в рефлексивный диалог с каждой из этих ипостасей как с ЯН-в-прошлом, ЯН-в-настоящем, ЯН-в-будущем. Абсолютное Я как сверхзначимое для Августина — неведомая перспектива слияния Я с Богом в вечных, единомоментных и неизменных бытии, знании и воле: *«Как абсолютно Твое бытие, так абсолют-*

но и знание; неизменно Твое бытие, неизменно знание и неизменна воля. В бытии Твоем неизменны и знание, и воля; в знании Твоем неизменны бытие и воля; в Твоей воле неизменны бытие и знание» (VIII, XVI, 19).

Неизвестность себя обнаруживается Августином в **отношениях** к Богу, к конкретным другим людям, к себе, к своей жизни. Бог как Высшая ценность Августина предстает как понимающий, всезнающий, всевидящий, творящий, дающий, радующий, просвещающий, страдающий. В трепетном ощущении «Ты» автор постигает всепроникающее присутствие Бога в своей внутренней жизни и хранение им тайны его Я: «Я люблю некий свет и некий голос, некий аромат и некую пищу, и некие объятия — когда люблю Бога моего; это свет, голос, аромат, пища, объятия внутреннего моего человека — там, где душе моей сияет свет, который не ограничен пространством, где звучит голос, который время не заставит умолкнуть, где разлит аромат, который не развеет ветром, где пища не теряет вкуса при сытости, где объятия не размыкаются от пресыщения. Вот что люблю я, любя Бога моего» (X, VI, 8).

В «Исповеди» представлена богатейшая феноменология **проживания** Августином открытий о неизвестности Я. Это удивление самому себе; сомнения и колебания в себе; отчаяние отыскать себя; чувство неопределенности себя; ужас перед непредсказуемыми изменениями Я; усталость от непонимания себя; вера в ценность незнания себя; страх перед неизвестным Я; напряженное понимание незнания себя; согласие с недоступностью Я; признание неизвестности себя; опора на себя в своем незнании Я; притворное всезнание себя; оправдание незнания себя; отрицание познаваемости себя; уход мысли к неизвестности истины самого себя; прояснение умственного взора для открытия незнания себя; исследование себя-потаянного; ощущение бездны своей души; ощущение своего «*висения в воздухе*»; сознание себя пленником неизвестности Я; забывание знания о себе; кружение памяти по неведомым «*дорогам своих заблуждений*»; самовопрошание о себе-неизвестном; внутреннее движение к встрече с собой-неизвестным.

Я-неизвестное, присутствие которого обнаруживает Августин, относится к различным **структурным образующим Я** как содержаниям самопознания. В «Исповеди» автор обращается к неизвестному в событиях своей жизни, во времени своей жизни, в своем рождении, детстве и юности, в своей памяти, своих желаниях и страстях, в своих чувствах, своем мышлении, своих поступках, в своих качествах, в своих отношениях, любви, дружбе, вере.

В отношении к Я-неизвестному Августин ищет истину и опору в Боге, обращаясь к Нему как живому, желанному «Ты». Бог выступает для автора исповеди милостивым Отцом, внимательным Собеседником, близким Другом, всезнающим Учителем и великим Творцом. В полном соединении с Ты возможно прояснение и постижение того в себе, что на долгом пути к Богу было неизвестным.

В самоотношении, опосредованном отношением к Ты, в своих самовысказываниях о Я-неизвестном Августин владеет ключевыми «**измерениями рефлексивного диалога**»: Я-в-себе, Я-для-себя, Я-в-Ты, Ты-в-Я. По наполненности рефлексивными высказываниями у автора доминируют измерения Я-в-

себе и Я-для-себя. В творческой рефлексии Августина, добывающей знание о существовании Я-неизвестного, раскрываются тончайшие связи: Я — ЯН-в-(Я-в-себе), Я — ЯН-в-(Я-для-себя), Я — ЯН-в-(Я-в-Ты), Я — ЯН-в-(Ты-в-Я). Я-неизвестное эксплицируется в форме **рефлексивных актов**, вскрывающих незнание Августина о себе в разных измерениях диалога с собой.

Я — ЯН-в-(Я-в-себе)

Примеры релевантных фрагментов текста «Исповеди»:

«В том, что касается полноты моего забвения, период этот равен тому, который я провел в материнском чреве» (I, VII, 12).

Ребенком «я был... я жил и чувствовал; я заботился о своей сохранности — след таинственного единства, из которого я возник» (I, XX, 31).

«А что в нас есть, что делает нас подобными Богу, и почему в Писании про нас верно сказано: “по образу Божию”, это было мне совершенно неизвестно» (III, VI, 12).

«Кто объяснит? Что это брезжит и ударяет в сердце мое, не нанося ему раны? Трепещу и пламенею, трепещу в страхе: я так непохож на Тебя; горю, пламенею любовью: я так подобен Тебе» (XI, IX, 11).

«Туман поднимался из болота плотских желаний и бившей ключом возмужалости, затуманивал и помрачал сердце мое, и за мглою похоти уже не различал я ясный свет привязанности» (II, II, 2).

«Великая бездна сам человек, чьи волосы сочтены у Тебя, Господи, и не теряются у Тебя, и, однако, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца» (IV, XIV, 22).

«Я боролся с собой и разделился в самом себе, но это разделение, происходившее против воли моей, свидетельствовало не о природе другой души, а только о том, что моя собственная наказана» (VIII, VIII, 22).

«Господи, что-то внушающее ужас есть в многообразии бесчисленных глубин памяти. И это моя душа, это я сам» (X, XVII, 26).

«Во всем, что я перебираю, спрашивая Тебя, не нахожу я верного пристанища для души моей» (X, XL, 65).

Я-неизвестное Августина обнаруживается в его рефлексии своего собственного **незнания**:

- как я стал тем, который помнит и говорит «был Я»;
- чем является таинственное единство, из которого я возник;
- что во мне есть, делающее всех нас «подобными Богу»;
- откуда во мне туман желаний, помрачающий мое сердце и скрывающий подлинные чувства;
- почему в моей душе «желать» не означает «мочь действовать»;
- откуда моя внутренняя борьба, разделение в себе;
- почему я как человек являюсь «бездной» в самом себе;
- отчего глубины моей памяти внушают мне ужас;
- зачем мне сила моей памяти, когда я не нахожу там Тебя;
- где во мне пристанище моей души.

Я – ЯН-в-(Я-для-себя)

Примеры релевантных фрагментов текста «Исповеди»:

«Я не знаю, откуда я пришел сюда, в эту — сказать ли — мертвую жизнь или живую смерть...? Был я где-нибудь, был кем-нибудь?» (I, VI, 7).

«Жизнь жалка; смертный час неизвестен. Если он подкрадется внезапно, как уйду я отсюда? где выучу то, чем пренебрег здесь? и не придется ли мне нести наказание за это пренебрежение?» (VI, XI, 19).

«Я спрашиваю теперь, что доставляло мне удовольствие в этом воровстве? В нем нет никакой привлекательности, не говоря уже о той, какая есть в справедливости и благоразумии, какая есть в человеческом разуме, в памяти, чувствах и полной сил жизни. <...> Я любил... кроме воровства, еще нечто, но и это нечто было ничем. Что же на самом деле?» (II, IV, 12).

«Сострадание вытекает из источника дружбы. Но куда он идет? Куда течет?» (III, II, 3).

«Можно ли удивляться, если человеческая душа, по какому-то побуждению свыше, не отдавая себе отчета... изречет то, что согласуется с делами и обстоятельствами вопрошающего?» (IV, III, 5).

«Я удивлялся, что остальные люди живут, потому что тот, которого я любил так, словно он не мог умереть, был мертв: и еще больше удивлялся, что я, его второе “я”, живу, когда он умер» (IV, VI, 11).

«Стал я сам для себя великой загадкой и спрашивал душу свою, почему она печальна и почему так смущает меня, и не знала она, что ответить мне» (IV, IV, 9).

«Я во всем сомневался и считал, что невозможно найти “путь жизни”» (VI, II, 1).

«Почему в этой юдоли чередуются ущерб и избыток, раздор и примирение? Или это закон для нее, и его именно дал Ты ей?» (VIII, III, 8).

«Я удерживал сердце свое от согласия с чем бы то ни было, боясь свалиться в бездну, и это висение в воздухе меня вконец убивало» (VI, IV, 6).

«Мы видим, конечно, сейчас в зеркале нечто загадочное... и поэтому, пока я странствую вдали от Тебя, я ближе к себе, чем к Тебе... а каким искушениям я смогу противостоять и каким нет — этого я не знаю» (X, V, 7).

«Я не могу измерить и узнать, сколько не хватает мне до любви совершенной, когда я кинулся бы в объятия Твои, и не оторвался бы от Тебя, пока “не скрылся бы под покровом лица Твоего”» (VIII, VIII, 9).

Я-неизвестное Августина обнаруживается в его рефлексии своего собственного **незнания**:

- откуда я пришел в эту жизнь и был ли я кем-то раньше;
- мой смертный час, и какое наказание предстоит мне нести за то, чем я пренебрег в жизни;
- почему я наслаждался в детстве и юности своими заблуждениями и проступками;
- почему меня так привлекало запретное (воровство) в детстве;
- откуда моя способность безотчетно найти истинное слово;

- отчего я живу, когда умер мой любимый друг;
- мой путь жизни;
- загадка души и ее печалей;
- почему моя жизнь полна противоположностей и противоречий;
- как их разрешить и обрести согласие с собой;
- тот ли я, кто в зеркале;
- каким жизненным искушениям я могу противостоять, а каким нет;
- насколько я далек от Тебя и совершенной любви к Тебе.

Я – ЯН-в-(Я-в-Ты)

Примеры релевантных фрагментов текста «Исповеди»:

«Меня не было бы, не будь я в Тебе, “от Которого все, чрез Которого все, в Котором все”» (I, II, 2).

«Молю Тебя, Боже мой, покажи мне меня самого... Я стану допрашивать себя еще внимательнее...» (X, XXXVII, 62).

«Обрадуй меня, Господи..., собери меня, в рассеянии и раздробленности своей отворачившегося от Тебя, Единого, и потерявшегося во многом» (II, I, 1).

«Да не в себе найду жизнь свою: я плохо жил собой, смертью был я себе: в Тебе оживаю. Говори со мной, наставляй меня. Я поверил книгам Твоим, но слова их – великая тайна» (XII, X, 10).

Я-неизвестное Августина обнаруживается в его рефлексии своего собственного **незнания**:

- где я есть в Тебе;
- какой я в Тебе;
- когда Ты соберешь меня – раздробленного и потерявшегося во многом;
- как мне в Тебе найти жизнь свою.

Я – ЯН-в-(Ты-в-Я)

Примеры релевантных фрагментов текста «Исповеди»:

«Меня бы не было, если бы Ты не был во мне...» (I, II, 2).

«Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? Куда придет в меня Господь, который создал небо и землю? Господи, Боже мой! ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя?» (I, II, 2).

«Так как я не знал, каким образом возник этот образ Твой, то мне надлежало стучаться и предлагать вопросы, как об этом следует думать...» (VI, IV, 5).

«Напрасно сочувствовал я закону Твоему, согласному с моим внутренним чело- веком, когда другой закон в членах моих противился закону ума моего и делал меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (VIII, V, 12).

«Таковы (греховны) были мы, пока Ты, Всевышний, не покидающий нашей земли, не сжалился над жалкими и не пришел к нам на помощь дивными и тай- ными путями» (VI, XII, 22).

Я-неизвестное Августина обнаруживается в его рефлексии своего собствен- ного **незнания**:

- где место в моей душе, способное вместить Тебя;
- откуда у меня образ Твой;
- как мне следовать закону Твоему, противостоя закону греховному;
- каковы пути, по которым пришла Твоя помощь мне.

Текст «Исповеди» — это мир человека, знающего свою жизнь, страдания, счастье, свой жизненный путь, свои противоречия, но не раскрывшего их тайны и не «собравшего себя» без обращения и претворения в Боге.

В заключение отметим, что психологическое исследование феномена «Я-неизвестное» по материалам «Исповеди» служит подтверждением его высокого значения в становлении Я творческой личности, указывает на взаимосвязь субъективной важности самопознания и поиска Я-неизвестного, подчеркивает роль знания о неизвестности Я в самодвижении личности к истине и вере, обосновывает становление самотождества Я (от его отрицания до персонального укрепления и самопревосхождения) путем расширения и преодоления незнания себя в диалоге с Другим.

Литература

- Аврелий Августин. (1991). *Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского*. М.: RENAISSANCE.
- Баткин, Л. М. (2000). *Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания*. М.: РГГУ.
- Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.
- Библер, В. С. (1990). *От наукоучения – к логике культуры*. М.: Политиздат.
- Исаева, А. Н. (2013). Знаемое и незнание «Я» в значимой жизненной ситуации. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 74(2), 85–96.
- Исаева, А. Н. (2015). Феномен «вспоминания неизвестного» в рефлексии значимой ситуации. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 82(2), 145–153.
- Литвинский, В. М. (2016). Исповедь и рефлексия. По мотивам «Исповеди» А. Августина. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 32(1), 38–44.
- Неретина, С. С. (1995). Верующий разум. В кн. *К истории средневековой философии* (с. 125–166). Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического университета имени М.В. Ломоносова.
- Петровский, В. А. (2013). «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Петровский, В. А. (2014). Я: конфигурации артефакта. *Культурно-историческая психология*, 10(1), 63–78.
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. Б. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Покровский, Н. Е., Иванченко, Г. В. (2008). *Универсум одиночества: социологические и психологические очерки*. М.: Университетская книга.
- Розин, В. М. (2018). Анализ вопросов в «Исповеди» св. Августина на основе метода реконструкции сферы и коммуникации вопрошания. *Культура и искусство*, 8, 31–39. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.8.26579>
- Сартр, Ж.-П. (2002). *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. М.: Республика.

- Старовойтенко, Е. Б. (1998). Модель рефлексивного прояснения жизненных конфликтов. По материалам «Исповеди» А. Августина. В кн. Л. В. Сохань и др. (ред.), *Жизненные кризисы личности* (с. 222–255). Киев: Институт содержания и методов обучения МО Украины.
- Старовойтенко, Е. Б. (2013). Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(4), 121–142.
- Старовойтенко, Е. Б. (2015). *Персонология: жизнь личности в культуре*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2018). Я-неизвестное в отношениях личности к себе и Другому. *Мир психологии. Научно-методический журнал*, 3, 35–49.
- Старовойтенко, Е. Б., Щebetенко, С. А. (2020). Я-Неизвестное в достижении самоидентификации и самопреобразовании личности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(4), 757–778. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-757-778>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Bakhtin, M. M. (1979). *Eстетика словесного творчества* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
- Batkin, L. M. (2000). *Evropeiskii chelovek naedine s soboi. Ocherki o kul'turno-istoricheskikh osnovaniyakh i predelakh lichnogo samosoznaniya* [A European man alone with himself. Essays on cultural-historical foundations and limits of personal self-consciousness]. Moscow: RGGU.
- Bibler, B. C. (1990). *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury* [From science studies to the logics of culture]. Moscow: Politizdat.
- Bradley, K. (2013). Images of childhood in classical antiquity. In P. Fass (Ed.), *The Routledge history of childhood in the Western world* (pp. 17–38). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203075715.ch1>
- Burrus, V., Jordan, M. D., & Mac Kendrick, K. (2010). *Seducing Augustine: Bodies, desires, confessions*. Fordham University Press.
- Capps, D. (2007). Augustine's Confessions: Self-reproach and the melancholy self. *Pastoral Psychology*, 55(5), 571–591. <https://doi.org/10.1007/s11089-007-0075-0>
- Di Summa-Knoop, L. (2017). Critical autobiography: A new genre? *Journal of Aesthetics and Culture*, 9(1), Article 1358047. <https://doi.org/10.1080/20004214.2017.1358047>
- Dubbelman, S. J. (2020). I know that I do not know: Nicholas of Cusa's Augustine. *Harvard Theological Review*, 113(4), 460–482. <https://doi.org/10.1017/S001781602000022X>
- Gioia, L. (2014). The theological, historical and ecclesiastical character of the personal identity in Augustin. *Gregorianum*, 95(3), 487–509.
- Isaeva, A. N. (2013). Known and unknown self in a significant life situation. *Mir Psikhologii*, (2(74)), 85–96. (in Russian)
- Isaeva, A. N. (2015). The unknown recall phenomenon in the reflexion of a significant situation. *Mir Psikhologii*, (2(82)), 145–153. (in Russian)
- Litvinskii, V. M. (2016). Confession and reflection (based on “Confessions” by A. Augustine). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Filosofiya i Konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 32(1), 38–44. (in Russian)
- Lyotard, J. F. (2000). *The Confession of Augustine*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Manning, L. (2013). St. Augustine's reflections on memory and time and the current concept of subjective time in mental time travel. *Behavioral Sciences*, 3(2), 232–243. <https://doi.org/10.3390/bs3020232>
- Neretina, C. C. (1995). Veruyushchii razum [A believing mind]. In *K istorii srednevekovoi filosofii* [On the history of philosophy in Middle Ages] (pp. 125–166). Arkhangelsk: Izdatelstvo Pomorskogo mezhdunarodnogo pedagogicheskogo universiteta imeni M.V. Lomonosova.
- Nightingale, A. (2015). Augustine on extending oneself to god through intention. *Augustinian Studies*, 46(2), 185–209. <https://doi.org/10.5840/augstudies201511514>
- Nino, A. G. (1990). Restoration of the self: A therapeutic paradigm from Augustine's confessions. *Psychotherapy*, 27(1), 8–18. <https://doi.org/10.1037/0033-3204.27.1.8>
- Parsons, W. B. (2013). *Freud and Augustine in dialogue: Psychoanalysis, mysticism, and the culture of modern spirituality*. University of Virginia Press.
- Petrovskiy, V. A. (2013). "Ya" v personologicheskoi perspektive [The Self in the personological perspective]. Moscow: HSE Publishing House.
- Petrovskiy, V. A. (2014). Self: The configuration of artifact (part one). *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 10(1), 63–78. (in Russian)
- Petrovsky, V. A., & Starovoitenko, E. B. (2012). The science of personality: four projects of general personology. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(1), 21–39. (in Russian)
- Pokrovskii, N. E., & Ivanchenko, G. V. (2008). *Universum odinochestva: sotsiologicheskie i psikhologicheskie ocherki* [The universe of loneliness: sociological and psychological essays]. Moscow: Universitetskaya kniga.
- Pollmann, K. (2011). Augustine's Hermeneutics as a universal discipline!? *Augustine and the disciplines: From Cassiciacum to Confessions*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199230044.003.0009>
- Rosengart, D. (2016). A special sort of forgetting: Negation in Freud and Augustine. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 64(2), 261–284. <https://doi.org/10.1177/0003065116637051>
- Rozin, V. M. (2018). Analiz voprosov v "Ispovedi" sv. Avgustina na osnove metoda rekonstruktsii sfery i kommunikatsii voprosaniya [Analysis of questions in "Confessions" by St. Augustine on the basis of the method of reconstruction of the sphere and communication of questioning]. *Kul'tura i Iskusstvo*, 8, 31–39. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.8.26579>
- Saint Augustine. (1991). *Ispoved' Blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponskogo* [Confessions of St. Augustine, Bishop of Hippo]. Moscow: RENAISSANCE.
- Sartre, J.-P. (2002). *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness. An essay on phenomenological ontology]. Moscow: Respublika. (Original work published 1943 in French)
- Starovoytenko, E. B. (1998). Model' refleksivnogo proyasneniya zhiznennykh konfliktov. Po materialam "Ispovedi" A. Avgustina [A model of reflexive clarification of life conflicts. Based on the "Confessions" by A. Augustine]. In L. V. Sokhan' et al. (Eds.), *Zhiznennyye krizisy lichnosti* [Personality's life crises] (pp. 222–255). Kiev: Institut sodержaniya i metodov obucheniya MO Ukrainy.
- Starovoytenko, E. B. (2013). Capacities of the I in relationship with the other: hermeneutics and reflection. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(4), 121–142. (in Russian)
- Starovoytenko, E. B. (2015). *Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture* [Personology: A life of personality in culture]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Starovoytenko, E. B. (2018). Ya-neizvestnoe v otnosheniyakh lichnosti k sebe i Drugomu [The Unknown Self in person's self-regard and relations to the Other]. *Mir Psikhologii*, 3, 35–49.

- Starovoytenko, E. B. (2020). *Models of the dialogical achievement of the I's Self-Identity* (HSE Working Papers. Series: Psychology. WP BRP 117/PSY/2020). <https://wp.hse.ru/data/2020/06/17/1607981258/117PSY2020.pdf>
- Starovoytenko, E. B., & Shchebetenko, S. A. (2020). Unknown self in reaching self-identity and self-transformation. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 17(4), 757–778. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-757-778> (in Russian)
- Sykes, J. D. (2018). *God and self in the confessional novel*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-91322-3>.
- Toom, T. (2018). *Augustine in context*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316488409>
- Vaughn, M., & Swanson, K. (2012). “Any life can be fascinating”: Using spiritual autobiography as an adjunct to therapy. In K. B. Helmeke & C. Ford Sori (Eds.), *The therapist's notebook for integrating spirituality in counseling I: Homework, handouts, and activities for use in psychotherapy* (pp. 211–2221). <https://doi.org/10.4324/9780203725962-30>
- Wright, J. L. (2006). *The philosopher's “I”: Autobiography and the search for the self*. State University of New York Press.